

Николай Пайков: человек и его дело

За время, минувшее после ухода Николая Пайкова, сказано и написано о нём немало. Оказалось, что он интересен и нужен многим. Оказалось, о нём есть что сказать. Я не претендую здесь на суммарное обобщение. Я просто поделюсь своими соображениями и воспоминаниями.

Начну с того, что определить статус Пайкова в жизни города довольно трудно. В Ярославле есть, слава богу, культурная среда, есть сфера интеллектуальной и художественной коммуникации — и он точно не был, не воспринимался в этой среде белой вороной, странным чудаком. Вопрос в другом. Как определить и как назвать его в зрелые его жизни, его активности?

Учёный, литератор, педагог, общественный деятель... В принципе Пайков был одним из не очень многих в Ярославле его времён людей, которые явным образом могут быть отнесены к той статусной группе, представителей которой называют свободными интеллектуалами.

Когда-то Сартр сказал, что «интеллектуал — это кто-то, кто вмешивается в то, что его не касается». В таком понимании, которое получило всеобщее признание, сословие интеллектуалов — это люди, которые известны как учёные или художники благодаря своим работам в области точных или прикладных наук, медицины, литературы; и теперь они «злоупотребляют этой известностью», выходят за пределы своей сферы и критикуют общество и действующую власть «от имени и по поручению» некоего идеального представления о человеке и культуре.

Именно так, широко, свободно, творчески, стремился реализовать себя Николай

Пайков в пределах «ярославской гражданской общины». Что-то из этого получалось, что-то нет.

К примеру, в середине 1990-х Пайков организовывал дискуссионный клуб на факультете филологии и культуры ЯГПУ имени Ушинского. Здесь трепетали злобы дня. Помню, как ярославские интеллектуалы, собравшись вместе, довольно дружно договорились до мысли, что Чечня «изнутри» победит рыхлую, аморфную Россию: не в открытом бою, а энергетикой, этнической спайкой, волей к власти и стремлением к успеху... Так это или не так, но Пайков был замечательным модератором и душой предприятия в целом. Однако в целом означенная интеллектуальная мобилизация оказалась для городского общества в тот момент не весьма востребованной.

Видя, как много сил он вкладывает в организацию литературной среды, связанной с именем поэта Константина Васильева, участвуя в этом процессе сам, я не мог не утешаться тем, что у дела есть надёжная опора. Есть плечо, на которое всегда можно опереться. Есть мозг, который работает порой с невероятной отдачей. Есть обаяние личности, которая создаёт вокруг себя ауру творчества и настраивает на труд.

* * *

И всё-таки сначала Пайков — учёный, да. Литературовед, посвятивший много времени и сил изучению русской литературной классики и прежде всего творчеству своего тёзки, Николая Некрасова. Кто-то напишет потом даже, что некоторые характеристические черты Некрасова Пайков невольно перенял. Может быть. Хотя это уже не научное

На кафедре русской литературы ЯГПУ Н. Н. Пайков проработал более тридцати лет

отношение к предмету. И, собственно, научным подходом к творчеству Некрасова действительно нельзя объяснить всего. Уровень и качество научной рефлексии о Некрасове у Пайкова выглядят более чем убедительно. Между тем он так и не защитил докторской диссертации о поэте, и труды его производят впечатление незавершённости. Но мне кажется, что такое *non finito* случилось неспроста. Оно — результат особенно тесной, можно сказать интимной, связи с предметом.

Пайков, конечно, знал знаменитые строки Блока: «Печальная доля — так сложно, Так трудно и празднично жить, И стать достойным доцента...» Он не хотел быть таким «доцентом». И не стал им. Он хотел быть посмертным другом, лучшим читателем, сочувственным и сорателем Некрасову. И он стал им.

У него есть работы о Некрасове довольно нейтральной тематики. Но даже и в них горизонтом осмысления является целостная личность поэта. Ну а в самых ярких, самых интересных его статьях (например, в очерке «Николай Некрасов: долгое возвращение на

родину») Некрасов явлен сильно и отчётливо, и это явно приобщает нас к чему-то самому существенному в поэте как в человеке.

Вообще, в науке, в литературе, в жизни Пайкову важна и нужна была личность. «Универсальный интегратор тотальности сущего как собственного бытия», как он сформулировал однажды по случаю. «Мир закономерностей, размерностей, эффектов, неклассических параметров жизни может существовать как вне субъекта, так и в присутствии субъекта. Но мир культуры, смыслов, ценностей создаётся именно родовым и эмпирическим субъектом». И если «родовой субъект» редко привлекал внимание Пайкова как исследователя, то «эмпирический субъект» — творческая личность — был предметом его постоянного и пристального интереса. Его взгляд на культуру, на искусство был личностен. В герое и в авторе он видел, в первую очередь, тип поведения и способ самовоплощения. Морально или экзистенциально не мотивированные литературоведческие абстракции редко его зажигали. Лучшее из написанного им, как мне кажется, посвящено как раз проблеме личности в её творческой, художественной самореализации.

И, возвращаясь к сюжету о личностных качествах Некрасова, усвоенных Пайковым, я бы заметил так. Дело, возможно, не просто и явно не только в усвоении. Но и не только в характеристических чёрточках. Общественное призвание Некрасова и сложный роман его с малой родиной, Ярославской землей, так или иначе преломились в личностном опыте самого Пайкова.

Ярославская тема в разных ракурсах стала основной темой его жизни, его размышлений и творческих опытов.

Он писал и говорил о местной культуре. О краеведении. О судьбе Карабихи. О ярославских литераторах прошлого (характерен его яркий очерк о семиратовском поэте и лермонтоведе Олеге Попове), о художниках и писателях настоящего. Его герои — писатели Новикова, Васильев, Ястребов, Кемоклидзе, А. Калинин, Перцев, Советников, живописцы Аранышев, Рожков... Трезво оценивая сделанное Пайковым, можно сказать, что в свои последние годы он стал ведущим критиком Ярославля. Хотя, скажем прямо, позволял себе писать только о том и о тех, что и кто ему нравится.

III Васильевские чтения, пос. Борисоглебский. 2005

Читая его статьи, видишь среди прочего упорное стремление вписать своих героев в широкие культурные контексты, очертить масштабные литературные перспективы. Такие проекции были иногда впору, иногда на вырост, а иногда и вовсе имели значение только для внимательного читателя. Однако они, по сути, дают нам теперь представление о реальном масштабе самого Пайкова. О направлении его мысли, о характере его поисков, его симпатий, его бэкграунде.

Характер миссии приобрёл и его педагогический труд в Ярославле. Что-то стоическое было в его бдении на посту университетского преподавателя русской словесности — на рубеже тысячелетий. Что-то, что казалось ответом всеми нами сознаваемой нарастающей проблематичности литературного дела и прогрессирующей неуместности литературной традиции в современной «Эрэфии» — стране торжищ и зрелищ.

В студентах он видел силу сопротивления року и фатуму, в будущем учителе хотел угадать просто человека, который не сугубо профессионально проснётся навстречу смыслу и ценностям русской словесности,

являвшейся средоточием русской жизни как таковой. И погружался в педагогику с головой, самозабвенно. Тратился без счета.

* * *

Мы встретились в 1989-м. Я пришел на филфак пединститута. Единственное требование, которое мне тогда предъявили, состояло в том, чтоб уже в сентябре я поехал со студентами первого курса в Борисоглеб на картошку. Вот так жизнь свела меня с Пайковым, которого тоже отрядили руководить студенческим сельхозотрядом.

Первого сентября я догнал его и студентов в училищной общаге на краю посёлка. Его внимательный, заинтересованный взгляд и глуховатый, негромкий голос, его характерная скороговорка с ритмическими перебоями, его приветливость и доброжелательность, которым он никогда не изменял, — всё это было удивительно, незаурядно. Он сразу располагал к себе, нисколько над этим не трудясь.

Становилось моментально ясно, что это редкого качества и уникальной конструк-

Н. Н. Пайков был одним из организаторов городского клуба любителей словесности «Тысячелетие». 2009

ции человек и от него нужно ждать только хорошего. Становилось вмиг понятно, что несовместимы он — и пошлость, он — и глупость.

И довольно быстро осознавались также его надёжность и опытность, его мудрая бережность к вчерашним школярам: экстремальные условия жизни давали много поводов наблюдать эти качества в действии. Меня тогда и потом всегда впечатляли его ресурсы человеколюбия, в сущности безграничные, избыточные, легко расходуемые и как будто без труда обновляемые.

А ещё он был артистичен. Это редко-го качества искусство жизни. Общением с людьми он, казалось, решал внутреннюю задачу, стремясь к некоему идеалу совершенства, соотнося себя с этим идеалом и, как казалось со стороны, легко обычно с ним совпадая. В нём были органичная уместность и искренность в любой ситуации — в общении и со студентами, и с колхозным бригадиром, со всяким даже хамлом и быдлом, — были безошибочная трезвость, внятность и

та гуманная мягкость, которая нисколько не походит на мягкотелость и беспринципную уступчивость, которые злопыхатели приписывают русским интеллигентам.

Никто и не заблуждался на сей счет. «Использовать» Пайкова можно было только апеллируя к чему-то важному и возвышенному, свободному от примитивной корысти и мелкой пользы. Для других надобностей он как-то слишком явно не годился. Успех, слава, благополучие и прочие фетиши не имели над ним совсем никакой власти. Да и просто формальные нормы не вдохновляли в отсутствие миссии.

Мне теперь кажется, что уникальное искусство жить было самым главным его искусством. Мысль об этом искусстве организовывала и его научный дискурс. Многие в его рассуждениях о русских классиках связано именно с таким подходом и такой темой. И сам он, как мнилось, так преуспел в этом искусстве, что вроде бы и не нуждался в чужих советах и пожеланиях, он шёл по жизни уверенно и спокойно, доверяя себе и в готовности отвечать за всё без скидок.

Впрочем, оборотной стороной этой погружённости в процесс, совершенствования каждой детали процесса стала упомянутая невозможность завершения ни одного крупного проекта. Маячивший на горизонте итог, окончательный результат его не очень радовал, а процесс, «движуха» вдохновляли. Поэтому свой ресурс умений и способностей, творческой самореализации он никак не мог актуализировать до конца. И это его явно временами томило. Отсюда, возможно, его компенсаторная по отношению к основным занятиям тяга к журналистике, отсюда, быть может, выплески артистизма и творческие экспромты, о которых помнят многие.

...Что-то около месяца в одной комнатухе — это огромный срок, чтоб познакомиться и подружиться. Никто не мешал нам в часы досуга говорить про всё на свете, разбирать по косточкам агонизировавшую советскую власть, питать надежды, строить планы. Нашлось много общего во взглядах, в понимании жизни, что впоследствии стало простой и надёжной основой наших отношений, не требовавшей особой коррекции и регулярной сверки. В важном и главном и он, и я оставались верны себе.

На факультете русской филологии и культуры ЯГПУ после защиты магистерских диссертаций. 2009

Впрочем, и различия были очевидны. Пайков казался человеком абсолютно не идеологическим, не актуальным. Бродячие рефлексы момента его почти не занимали, сиюминутное бурление его совсем не касалось. Он казался человеком на отлёте, не от мира сего.

Пайков легко признавал твое право думать иначе. В душе он был тогда скорей всего социалистом-гуманистом, но в стиле дискуссионного общения — исключительно либералом. В нём не угадывалось того фанатического идейного воодушевления, той увлечённости фактурой разразившейся демократической революции, которые снадали в те времена меня.

Если он и ощущал себя заложником исторической и социальной ситуации, то как-то не особенно этим огорчался и скорее пенял на себя. Он предъявлял довольно уравновешенную позицию, смысл которой, возможно, состоял в том, что эпоха и режим не властны над совестью и призванием. А в них-то и заключена суть жизни.

Он был совсем не религиозен, не скрывал своего агностицизма — но одновре-

менно стихийно космичен, философически неотмирнен, в то время как я пребывал в состоянии религиозного азарта, но оставался притом тотально историчен и максимально актуализирован.

Я понимал, что никогда таким, как он, не стану. Не смогу так чётко дистанцироваться от злорадия и тревог дня. Но подход к жизни Пайкова выглядел страшно убедительно как проекция цельной и яркой личности на всё, что происходит вокруг.

Различия в ритмике жизни, во вкусах и интересах не то чтобы не мешали... Задуманными друзьями мы не стали. Ведь нам даже поспорить ни разу как следует не удалось. Не случилось предметного повода. Но нас связало, как я теперь вижу, что-то не менее важное: такие теплота и нежность, которые были основаны практически на полном взаимоприятии. Ну просто невозможным казалось в нём усомниться.

Нет, всё-таки это дружба. Братское чувство, в котором брезжили высокие дух и пафос настоящего товарищества. Нам не нужно было держать друг друга на коротком поводке. Чувство доверительной близости и

даже родства удостоверялось просто взглядом и парой слов при встрече, где-нибудь на факультетской лестнице.

К тому же Пайкова отличала исключительная ненавязчивость. Возможно, у него на сей счёт даже водился, как я теперь думаю, некий комплекс. Он был невероятно отзывчив, щедр и нежен, если в нём нуждались, — но когда проходила у тебя в нём прямая нужда, он без обиды отходил в сторону, не претендуя на внимание и вполне игнорируя всякие формальные знаки благодарности. Умел оставаться один.

* * *

Потом случилось ещё несколько моментов, когда обстоятельства рождали потребность в более или менее регулярном общении. Поначалу в 1996 году он активно включился в проект организации журналистского образования в Ярославле: прилежно ходил и ездил на семинары с голландскими журналистами, которые делились с нами своей образовательной моделью, писал записки по поводу своим мелким бисерным почерком... И с огромным, как мне казалось, сожалением он принудил себя в итоге ограничить желания и амбиции и сосредоточиться на русской литературной классике.

С другой стороны, могу предположить, что Пайков трезво понимал: его великолеп-

ный литературный слог плохо соотносится с элементарными требованиями журналистского ремесла, которые максимально востребованы в нашей прессе, а другой прессы в Ярославле мало или нет вовсе.

Но всё-таки что-то он и пропустил по дороге, в итоге лишь отчасти (хотя мастерски) реализовав себя как журналист в жанре литературного портрета и шире — портрета художника. И это замечательные опыты.

Увы, я знаю сам, как заедает преподавательское дело, отнимая уйму времени и сил. А Пайков не умел на этом экономить. Он вообще ни на чём не экономил.

* * *

Я помню наши разговоры о кризисе литературоцентричной цивилизации, о зыбкости почвы под ногой и завершённости национальной судьбы. Но соглашаясь с этими печальными констатациями, он всё же явно собирался утонуть вместе с кораблём великой традиции, а не спастись как-нибудь в одиночку. Не изменил своей любви.

Да, была в нём не просто правильность, но — праведность. Деятельная воля к истине и к добру. Очерк об Олеге Попове он назвал «Тайник духовный неповерженного Дон Кихота». Это, донкихотское, начало было очень явно выражено и в его собственных манере и жесте. И судьбе.

Евгений ЕРМОЛИН